

О ВОЙНЕ В ЕВРОПЕ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ 15-й ШОТЛАНДСКОЙ ДИВИЗИИ БРИТАНСКОЙ АРМИИ ЧАРЛЗ ХАНАУЭЙ (CHARLES HANAWAY)

В начале пути

Я добровольно записался в армию, не достигнув положенного возраста. Это случилось 5 марта 1941 г. Вернулся домой с этой новостью, услышав которую, мой отец сказал: «Ты не можешь пойти в армию без моего разрешения.» - Я ответил: «Извини, отец, теперь ты уже ничего с этим сделать не сможешь.» Вскоре после этого я отправился в мой полк, базировавшийся на ипподроме Hurst Park. Меня записали в 70-й Миддлсексский Полк (*70 th Middlesex Regiment*), в Батальон Молодых Солдат (*Young Soldiers' Battallion*), где я столкнулся с большим числом недавних заключенных, которым предоставили выбор: пойти в армию или продолжить отсидку. Эти парни выбрали свободу с неопределенным будущим, и в последующие несколько недель мы начали подготовку. С нами

было нелегко справиться, некоторые в строю делали все возможное, чтобы помешать всем, идя не в ногу.

Наш сержант Джордж Хант (George Hunt) был человеком среднего возраста, солдатом со стажем и своеобразным малым, за что парни прозвали его *soldier daft* (*безмозглый солдафон*). Во время одного из занятий он был настолько огорчен тем, как показала себя группа новобранцев, что упал на колени, поднял голову и руки к небу, словно для молитвы, и заорал: «Будь милостив, Господи! Пришли мне СОЛДАТ!»

Вне всякого сомнения, в армии были проблемы с новобранцами, такие проблемы, что командный состав начал вводить в жизнь новую форму наказания для нарушителей устава и порядка. Провинившимся начали брить головы, поэтому вскоре все новобранцы уже знали, кто такие *лысье* (*baldies*) и чем может для них кончиться недисциплинированность. Матери и молодые жены нарушителей разозлились по этому поводу, и уже вскоре газета *Daily Mirror* с ее 4-хмиллионным тиражом опубликовала об этом статью на первой странице. Разразился скандал, поступил парламентский запрос, газеты завалило письмами от женщин. Возмущение общественности имело немедленный эффект, и бритье голов прекратилось...

Немцы продолжали каждый день бомбить Лондон и юг Англии, и сохранялся страх перед вражеским вторжением. На случай потенциального вторжения продолжали строить всевозможные укрепления, при этом приоритетом была защита аэродромов. После первоначальной подготовки, длившейся 12 недель, нас перебросили на аэродром Норхолт (Northolt), расположенный на окраине города. На нем базировались истребители. Все летное поле было окружено бетонными шестиугольными ДОТаами. Их стенки имели толщину 18 дюймов, а на высоте глаз в них находились щели для стрельбы из винтовок. Теоретически это были превосходные огневые точки, но нахождение в этих ДОТах 24 часа в день сильно подрывало наш моральный дух. В дождливые дни, когда их заливало водой выше щиколоток (до 6 дюймов ~ 15 см), нам приходилось часами стоять в

них... Единственным развлечением было видеть то, как польские эскадрильи поднимаются в небо, чтобы встретить в воздухе самолеты Люфтваффе, и считать, сколько из них вернулось на аэродром. Почти каждый день ходили слухи о том, что где-то поблизости действуют «вражеские агенты в длинных серых плащах с радиопередатчиками.»

В полку Королевских Шотландских Фузильеров

... В мае 1943 г. я оказался в другом полку – в 6-м Полку Королевских Шотландских Фузильеров (*6th Royal Scots Fusiliers*). Нам предстояло влиться в этот полк тогда, когда они проводили совместное обучение с 6-й Танковой Бригадой Гвардейцев (*6th Guards Armored Brigade*). После нелегкого путешествия по морю и по суше, которое заняло 20 часов, мы прибыли на какую-то отдаленную железнодорожную станцию. Выгрузившись из поезда, усталые и голодные, мы промаршировали еще 3 мили вверх по склону до полевого лагеря. Военнослужащие полка жили в палатках. После прибытия на место нас приветствовал Полковой Сержант (*Regimental Sergeant Major*) Гибсон (Gibson) по кличке *Hoot* (*Гудок*). Он обозвал нас «сборищем недисциплинированных прохвостов» и т.п., всячески демонстрируя то, как он будет приводить нас в чувство. Нам показалось, что нас ждут трудные времена, и этого парня мы сразу невзлюбили. Мы, *Sassenachs* (*произносится «Сассенак» – происходит от кельтского названия англосаксов, со временем ставшего презрительной кличкой - ВК*), влились, по выражению Полкового Сержанта, в *sharp battalion* (*в смысле – с жесткими дисциплиной и порядками – ВК*), - и начали соревноваться с гвардейцами-танкистами во всякой херне типа мытья добела каменных полов и покраски травы в зеленый цвет. Среди нас был сержант Норман Уилкинсон (Norman Wilkinson), из резервистов, хороший солдат. Услышав такое «приветствие», он сказал: «С меня хватит! Я сваливаю из-под этого душа!» С этого момента он начал делать все, чтобы его комиссовали. Он начал симулировать сумасшествие, был помещен под медицинский контроль и, в итоге, обдурил всех. Через 12 недель он был уволен из армии. Позднее он посетил нас, уже будучи гражданским лицом, и теперь он был *Bevin Boy*, (*прозвище уволенных из армии по медицинским и другим причинам и отправленных на работу в промышленности, которое происходило от имени министра труда Великобритании Эрнеста Бевина (Ernest Bevin)*), мобилизованный для работ на угольной шахте.

Я получил назначение в *Carrier Platoon* (*речь идет о взводе так называемых Универсальных Бронетранспортеров - **Universal Carrier***) вместе с группой таких же «прохвостов». Большая часть взвода относилась к категории *Jocks* (*на военном жаргоне – солдат-шотландец – ВК*). Последующие несколько дней мы приняли участие в совместной боевой подготовке с гвардейцами-танкистами – обстановка была близкой к боевой, что очень помогло нам потом, на войне. Через 10 дней нас на поезде отправили дальше на север, в район города Хексем (Hexham, графство Northumberland), - красивое историческое место. Здесь мы продолжили боевую подготовку, здесь постоянно проводились марш-броски и ночные учения. Дела здесь уже были поставлены по-серьёзному. Мы теперь входили в состав 15-й Шотландской Дивизии и отрабатывали взаимодействие с другими подразделениями этой части. Напряжение в боевой подготовке все время росло, наши пищевые рационы стали лучше. Через два месяца нас перебросили на юг, в замечательное местечко под названием Нерсборо (Knagsborough). Здесь мы приступили к изматывающим полевым учениям, продолжавшимся по 10 дней каждое (*Eagle и Blackcock*). Они проходили в условиях, абсолютно приближенных к реальным. Было очень холодно, тем временем мы отрабатывали ведение боя во всевозможных ситуациях на Йоркширских холмах. Некоторые из тех дней были столь же тяжелыми, что и последовавшие за ними реальные бои. Мы целыми днями мокли и мерзли, и Дивизия потеряла какое-то количество людей утонувшими во время ночного форсирования реки в ненастную погоду...

Нам нанесли визиты генерал Монтгомери и премьер-министр Черчилль, которые провели с нами вдохновляющие беседы, расхваливая нас и выражая уверенность в наших победах в предстоящих боях. Теперь мы знали, что наша подготовка нацелена на прорыв вглубь континента с захваченных плацдармов.

23 марта 1944 г. Уинстон Черчилль беседует с солдатами 15-й Шотландской Дивизии. Справа в машине - Монтгомери (http://www.pegasusarchive.org/varsity/Photos/Pic_Churchill1.htm)

Нашим последним перемещением в Англии стала переброска в городок Уэртинг (Worthing), расположенный на южном побережье. Здесь мы покрыли водонепроницаемой смазкой наши бронетранспортеры и все прочие машины. Расположились мы в домах, реквизированных у местного населения. Все южное побережье было закрытой территорией на три мили от береговой линии. Мы чувствовали, что здесь долго не задержимся. 24 мая, перед отбытием из городка, нас собрали в театре *Dome (Dome Theatre)*, рядом с причалом. Здесь перед нами выступил командующий (дивизией? – ВК) и рассказал о предстоящей высадке. Потом слово было предоставлено американским офицерам, они говорили о принципах взаимодействия после высадки. Интересно то, что на тот момент в Англии находилось около 1.5 миллионов американцев, но, по понятным причинам, мы не знали, где они дислоцированы. Думаю, политика правительства оказала влияние на ситуацию, поскольку наверху знали, что американцам больше платят и их лучше снабжают по сравнению с более бедными во всех отношениях «английскими родственниками».

Лично мне показалось интересным и информативным то, что произошло в конце собрания. Полковой Сержант Гибсон приказал нам построиться на берегу. Выйдя из здания театра, я решил воспользоваться возможностью сделать несколько затяжек и шел на построение не торопясь. Было неудивительно, что Гибсон вызвал меня из строя и отчитал меня, крича: «Само собой, это [опять] ты, раздолбай.» Это была его обычная форма выволочки. На этот раз я приняло решение отреагировать и ухмыльнулся в ответ. «Ну-ка спрячь эту высокомерную улыбку, - заявил Гибсон, указывая на Пролив. – Погоди с этим, пока не переправишься на тот берег.» Я вновь улыбнулся и сказал: «Сэр, с нетерпением жду этого события...»

Через три дня после дня *D* (6 июня 1944 г.) мы тронулись в путь. Всю дорогу от станции *King's Cross* тротуары были заполнены людьми, приветствующими нас. Мы остановились в обнесенном колючей проволокой лагере в районе *Wanstead Flats* (пригород Лондона – ВК) и расположились в

палатках. До нас в лагере находились части, принявшие участие в высадке 6 июня. 12 июня я разглядел, что совсем рядом с лагерем проходит маршрут автобуса №96. Я был совсем недалеко от моего дома – этот автобус проходил мимо него.

Я сказал своему старинному приятелю Биллу Сэйбртону (Bill Sabretone): «Думаю запрыгнуть в этот автобус. Хочешь присоединиться?» Он согласился принять в этом участие, мы проползли под проволочным ограждением и через несколько минут уже сидели в автобусе. Мои родители были поражены, увидев нас, так как думали, что мы уже в Нормандии. Мы пошли отметить эту побывку в местном пабе, раздавая имеющиеся у нас франки в качестве сувениров тем, кто покупал нам пиво. Около 11 вечера мы вернулись на КПП и узнали, что наша рота уже отправилась в Нормандию. Нас посадили под арест по обвинению в «трусости перед лицом противника». Спали мы на земле, а в 2.30 ночи всю округу потряс страшный взрыв – казалось, мы взлетели дюймов на шесть над землей. Это была одна из первых летающих бомб V1, упавших на английскую землю...

В Нормандии

В 9.30 вечера, два дня спустя, мы болтались в море близ побережья Нормандии. Вокруг нас было множество кораблей и судов всех типов и размеров, над головой гудели самолеты – от этого просто захватывало дух. Как и все другие, я знал, что ни под каким видом нас не сбросят в море с такой поддержкой. Мы перегруппировались на морском берегу в районе городка Курсель (Courselles) и начали марш вглубь страны. Шел дождь, мы вымотались и проголодались. В первой же деревне мы остановились и плюхнулись на земле рядом с каким-то домом, намереваясь поспать. Затем случилось нечто восхитительное, то, что я никогда не забуду. Открылось окно на втором этаже дома, в нем показалась молодая девушка. Она сказала "Bonjour" и начала петь. Это была песня *J'attendrai* (*Я буду ждать*), и пела она великолепно. Когда она закончила, мы услышали голос ее матери, потребовавший закрыть окно и лечь в постель. Та юная девушка так никогда и не узнала, насколько подняла она нам настроение в ту памятную ночь...

Несколько позднее мы присоединились к нашему взводу где-то в поле, дальше от побережья. До нас доносился грохот артиллерии, а вообще было трудно поверить, что мы уже сблизились с противником. Проходили дни, мы оставались на одном и том же месте. В конце концов, одним вечером, нас собрали, и к нам обратился речью наш командир. «Завтра мы идем в бой, - сказал он. – Вы встретитесь в бою со *Сливками* германской армии – 12-й Дивизией *SS Hitlerjugend*. Вы – отборная часть британской армии, так что это будет интересный бал,» - добавил он. Ночь прошла необычно - наши волынщики играли, некоторые парни даже танцевали. Все это поднимало боевой дух, хотя было немного грустно, поскольку кому-то предстояло погибнуть уже через несколько часов...

Рано утром 26 июня мы выдвинулись на исходные позиции. Было тихо и прохладно, шел дождь. Мы сидели, разговаривали друг с другом на пониженных тонах, курили и ждали. В 7.30 пришло время выступать. Все вокруг заполнил грохот 345 орудий, начавших артобстрел. Мы прошли мимо одинокого волынщика, игравшего свою мелодию у входа в небольшую деревенскую церквушку. Было приятно видеть его, но его музыку полностью заглушил грохот орудий, поэтому мы просто помахали ему руками. Мы начали пересекать кукурузное поле, двигаясь в направлении деревни Сен-Мовью (St. Mauvieu), которая была нашей первой целью. Справа от нас были *Royal Scots*, продвигавшиеся в направлении деревни Щуэкс (? – Chuex). Мы шли, держа свои винтовки над головой: настолько высокой была кукуруза. В ста ярдах впереди нас был огневой вал. Хотя мы обрабатывали наступление вслед за ним, несколько наших было убито в результате недолетов.

Солдаты 15-й Шотландской Дивизии в бою. Нормандия
(<http://ww2today.com/26-june-1944-epsom-scottish-troops-v-12th-ss-panzer-hitlerjugend>)

Солдаты 12-й Дивизии *SS Hitlerjugend* открывали огонь по нам, неожиданно появляясь и так же неожиданно исчезая. Это был ад, и в этом грохоте кто-то постоянно звал на помощь санитаров: мы несли тяжелые потери. Ближе к вечеру мы заняли деревню. Полк *KOSB - King's Own Scottish Borderers* нашей Бригады прибыл, чтобы сменить нас (*Собственный Его Величества Шотландский Приграничный Полк – иногда слово «Borderers» переводят как «пограничники», что, скорее всего, неверно. Свое имя полк получил от названия приграничного с Англией региона в Южной Шотландии – ВК*).

Майор Эгню (Agnew), командир роты «А», спросил нас, не видел ли кто-нибудь из нас майора Кортса (Korts), его шурина, командира другой роты. Кто-то сказал ему, что, кажется майор убит. Майор Эгню повел свою роту в бой и вскоре тоже был убит. Оба майора были похоронены на местном деревенском кладбище вместе с солдатами нашей Бригады, погибшими на этом участке фронта. Это был страшный день. До сих пор помню проехавший мимо меня трехтонный грузовик, заполненный трупами. Батальон потерял 25% своего состава – с таким темпом уже вскоре от него мало что могло остаться.

Ночью мы отдыхали, измотанные и оглушенные тем, что потеряли столько хороших ребят. Утром мы получили пополнение и вскоре снова тронулись в путь, снова в бой против *Сливок*. Сражение продолжалось еще несколько дней. Деревня *Щуэкс (?)*, которую взяли с боем *Королевские Шотландцы (вероятно, речь идет о 8-м Батальоне из состава полка Royal Scots – ВК)* из нашей Бригады, после всего этого напоминала сцены боев войны 1914-18 гг. – просто кучи щебня и глыб. Все было в руинах, и даже наши танки прошли через эту деревню с большим трудом. В этих боях Дивизия потеряла около 800 человек, и они остались в истории под названием *Battle of the Scottish Corridor/Сражение за Шотландский Коридор...*

Следующие 48 часов мы были под артиллерийским и минометным обстрелом со стороны со стороны *Сливок* – эти ребята показали себя крепкими бойцами, и можно только восхищаться тем, как они держались под шквалом огня, под которым мы постоянно их держали. Мое восхищение ими росло день ото дня. Честно говоря, я не думаю, что мы смогли бы устоять под таким напором

и перед такими атаками с воздуха, которыми они постоянно подвергались. Вечером 29 июня немцы контратаковали нас. Люди из разных полков Дивизии растерялись и перемешались друг с другом. Я оказался на линии обороны, вытянувшейся вдоль живой изгороди, за которой находилась широкая долина. Парни из разных полков залегли вдоль нее, поливая огнем противника, продвигавшегося в нашу сторону – его передовая линия находилась примерно в 200 ярдах от нас. Какой-то офицер с револьвером в руке перемещался вперед-назад вдоль оборонительной линии, крича: «Ни один человек не отступит отсюда даже на один ярд!» Было ясно, что он застрелит каждого, кто попытается драпануть. Я сказал этому офицеру, что у нас кончаются боеприпасы, и он приказал мне прочесать окрестности и собрать все, что будет под рукой. Приступив к сбору патронов, я увидел группу людей, бежавших куда-то и что-то выкрикивавших. Они пытались догнать грузовик, который удалялся в тыл. Собрав большое количество патронов, я вернулся на линию огня и доложил офицеру о том, что видел... Мы удержали нашу позицию с помощью 25-фунтовых пушек и пулеметов, которые оказались на нашем участке в нужное время, а так положение было просто отчаянным.

На протяжении 7-8 дней Дивизия вела тяжелые бои. Мы форсировали реку Одон (Odon) и, несмотря на ожесточенные контратаки противника, удержали плацдарм на другом берегу. Против нас сражались три танковые дивизии врага. Мы вбили клин в позиции немцев и продвинулись на 7 миль вперед, создав что-то похожее на коридор. В наши дни весь этот район Нормандии назван в честь нашей Дивизии, а в деревне Турвиль (Tourville) находится памятник.

Вспоминаю, как одним жарким, пыльным июльским днем, наш механизированный конвой медленно, со скоростью пешего хода, продвигался в сторону фронта. Я вел бронетранспортер. Когда мы проезжали мимо ферм и деревень, местные жители протягивали парням. Марширующим в пеших колоннах, выпивку. Многие из этого было представлено довольно крепким сидром, и для того, чтобы почувствовать эффект от возлияний, не требовалось много времени. Неожиданно бронетранспортер, двигавшийся в колонне сзади нас, обогнал меня. Как только он втиснулся строй впереди нас, я увидел солдата, наполовину вывалившегося из машины. Этот парень просто «отключился» во время марша, и его товарищи закинули его в первую попавшуюся машину. Сидевший рядом со мной парень, посмеиваясь, сказал: «Погляди-ка на этого», и сразу же вслед за этим бронетранспортер взорвался, наскочив на мину. Не веря своим глазам, мы увидели, как этот парень поднялся в воздух и отлетел где-то метров на шесть в поле. Мы подбежали к нему – он сидел и в ответ на наш вопрос «ты в порядке?» сказал: «Где я?» На нем не оказалось ни единой царапины, и он успел полностью протрезветь. Все остальные, сидевшие в бронетранспортере, были убиты...

Американцы и даже некоторые британцы спрашивали, что не так с британскими частями, столь медленно продвигавшимися вперед в районе города Кан (Caen). Критиковавшие нас не имели понятия о том, что против нас сражались 7 из 8 немецких танковых дивизий, которыми противник располагал в Нормандии. Что тогда удивляться тому, что американцы быстро продвигались вперед, а мы застряли? Неделя проходила за неделей, было жарко, мы были в пыли и грязи, все это время не имея возможности поменять одежду. Накал боев не стихал, и британская кровь в изобилии лилась в окрестностях городов и деревень Иверси (Evercy), Барон (Baron), Гаврюс (Gavrus), Виллер Бокаж (Villers Bocage) и других. Близ городка Барон мы увязли в боях, три дня были под постоянным артобстрелом, в том числе, под огнем страшных *Moaning Minnies* (солдатское жаргонное название шестиствольных реактивных минометов – ВК). Эти минометы наводили ужас, и вот что случилось с моим товарищем по окопчику по кличке Уэбби (Webby). Мы с ним вырыли стрелковую ячейку, а затем поставили над ней наш carrier, что должно было дать нам дополнительное укрытие. Там мы и просидели 72 часа под грохот разрывающихся вокруг снарядов и мин. Обстрел был настолько сильным, что нам даже не могли привезти еду и воду. У моего товарища в результате длительного пребывания под огнем случился нервный срыв. Я посоветовал ему доложить

командиру о своем состоянии и позднее видел его на перевязочном пункте. Он был в совершенно разобранном состоянии, бедный малый, и больше я его ни разу не увидел...

В июле мы переместились на американский сектор фронта в районе Комон (Caumont). Мы словно попали в сельскую местность старой доброй Англии – настолько мирной была обстановка, в которой американцы провели несколько недель, копая для себя превосходные, глубокие, протяженные траншеи. Это были просто произведения искусства, было очевидно, что они использовали для этого время полного затишья. Мы просто не верили своим глазам. Ситуация вскоре изменилась, когда наши пушки сменили американские и открыли огонь: *Джерри (Jerry – распространенная среди британских солдат кличка немцев, происходит от слова German – ВК)* сразу поняли, что мы здесь.

Тут со мной в первую же ночь произошел забавный случай. Мне приказали доставить письменное послание командиру роты, находившемуся в штабе. Я отправился в путь по зеленым лугам, и по дороге услышал, как кто-то поет. Я увидел усадьбу ярдах в двухстах от дороги, голос доносился оттуда. Я пошел туда, чтобы понять, что происходит, открыл дверь и понял, что пение доносится из подвала. Спустился туда и увидел огромное помещение размером в футбольное поле, вдоль стен которого были расставлены огромные винные бочки. Певец – пьяный в стельку американский солдат – валялся на полу между двумя бочками. Заплетающимся языком он пригласил меня присоединиться, и я недолго раздумывал: я в жизни не пробовал вина. Через несколько минут я начал забывать о необходимости доставить послание. Я так и не добрался до штаба и получил 14-дневное так называемое *Полевое Наказание* за невыполнение приказа (*Field Punishment – до 1881 г. в Британской Армии могло означать даже телесное наказание, в данном случае, судя по всему, солдата просто бросили в бой - ВК*).

Через день мы пошли в атаку и, к большому нашему облегчению, стали продвигаться вперед. Затем тысяча американских бомбардировщиков совершила налет на Сен-Ло и стерла его в порошок. Теперь дела пошли по-другому, мясорубки типа той, что была в районе Кана, не произошло, мы наступали – начался прорыв. У нас ушло 6 недель ожесточенных боев на то, чтобы прорвать фронт. Американцы прорвались справа от нас в Brittainy, мы же чувствовали, что вскоре будем к югу от Нормандии. В итоге, мы вышли к городку Эстри (Estry), где завязались ожесточенные бои с большими потерями для нас. Через 4 дня Эстри был взят, сражение за Нормандию приблизилось к завершению.

Нам дали отдохнуть 10 дней – впервые после высадки. Фалезский «котел» (Falaise Gap), в котором оказалась бóльшая часть немецких войск, захлопнулся. Позднее нам довелось пройти через этот участок фронта. Эту картину невозможно забыть – люди и лошади вперемешку усеяли дороги и поля. Все виды машин, танки, пушки – всюду и везде, разбитые и перевернутые.

Одна из дорог, по которой немцы пытались вырваться из Фалезского котла

Наша артиллерия и штурмовики *Тайфун/Турхоп* своими ракетами нанесли противнику колоссальные потери. Вонь [от разлагающихся трупов] стояла страшная, сцена разгрома тянулась на многие мили. Немцы потерпели сокрушительное поражение, но многие их части, особенно эсэсовские дивизии, умело ускользнули.

Колонна немецких военнопленных следует за британским универсальным бронетранспортером (<http://worldwar2headquarters.com/HTML/transport/British/universal.html>)

На пути к Сене я вез в своем бронетранспортере командира взвода – капитана Стюарта Стритера (Stuart Streeter), сидевшего рядом со мной. Этот был человек, смотревший на все так: «Пускай дьявол беспокоится», и позднее ему предстояло дорого заплатить за это. А так дорога к Сене прошла спокойно, без происшествий.

Ведя машину впереди батальонной колонны, признаюсь, я нервничал, когда капитан уверенно махал рукой вперед, когда мы приближались к перекресткам дорог. Да и в других местах, которые выглядели опасными, я чувствовал себя не в своей тарелке. В прошлом я видел наши «сварившиеся» танки – разбитые и сгоревшие после попаданий снарядов грозных 88-миллиметровок. Я понимал, что всего лишь один выстрел такого орудия, скрытого в засаде за живой изгородью, может послать нас всех, сидящих в бронетранспортере, в *Царствие Небесное (Kingdom Come)*.

Прощай, Нормандия

Переправа через Сену прошла спокойно, так как немцы поспешно отступали. Следующие несколько дней были незабываемыми для каждого, кто был в авангарде: нас встречали восторженные толпы, миля за милей. Мы никогда не видели столько людского воодушевления: нас засыпали цветами, угощали выпивкой, которая стала быстро действовать на нас. Мы продвигались через Фландрию, проходя через города и поселки, названия которых были олицетворением войны, закончившейся 26 лет назад. Здесь воевал мой отец, заслужив в боях *Военную Медаль (Military Medal)*. Чем дальше мы шли, тем более восторженно нас принимали. Иногда толпы людей просто останавливали нас. Нас обнимали и целовали, а один счастливый папаша даже предложил свою дочку одному из наших, дав понять, что, если парень переспит с ней, для него это будет большая честь... Но парню не улыбнулась удача, так как мы были на марше, так что дочка этого папаша сохранила невинность.

Бельгийцы приветствуют британских солдат (1944)

[\(https://au.pinterest.com/pin/405886985141573315/\)](https://au.pinterest.com/pin/405886985141573315/)

Мы вошли в небольшой городок под названием Deerlyek (?). С возвышенности отсюда просматривалась деревня, через которую проходила немецкая колонна, при этом противник явно не имел понятия о том, что он у нас на виду. Мы открыли огонь, и через несколько минут вражеская колонна была разгромлена. После этого, к нашему изумлению, бельгийцы, наблюдавшие за этим побоищем, немедленно занялись разделкой убитых лошадей, и вечером того же дня стейки из конины были поданы на ужин во многих домах. Мы заночевали в городке и у каждого въезда оставили посты. Мой бронетранспортер и еще один были поставлены нос к носу, блокируя въезд. За ними расположилось четверо человек, я в том числе, готовые открыть огонь по приблизившемуся противнику. Из-за быстрого продвижения вперед мы толком не знали, где находятся немцы, да и они не имели понятия о нашем местоположении. Где-то на 200 ярдов впереди наших машин находился еще один солдат, укрывшийся в придорожном кювете. У него был свисток, и ему было приказано свистеть, если будет какой-то шум или движение на дороге. Около часа ночи, уже в полусне, мы услышали свисток и сразу же после этого из темноты появились силуэты машин. Это была вражеская колонна - мы открыли огонь из наших *Бренов (ручных пулеметов Bren – BK)*, вывели из строя пять идущих впереди машин, остальные ретировались.

Все немцы, сидевшие в подбитых машинах, были убиты. В первой из них было четверо офицеров. Мы обыскали их и саму машину, и к собственному восторгу нашли тысячи немецких банкнот, после чего набили деньгами карманы. Я прихватил пистолет *Luger*, который высоко ценился, как трофей. Утром нас сменили, мы вернулись в городок и направились прямо в небольшую церковь, в которой расположился наш штаб. Теперь мы были богачами, все вокруг нам завидовало. На радостях я вытащил *Luger*, который никто из парней ни разу не видел. Для демонстрации я выстрелил из него в каменный пол, и, к моему ужасу, сержант Кенни Вудс (*Kenny Woods*) взвыл и запрыгал на одной ноге. Это пуля после моего выстрела срикошетила от пола и попала ему в ногу. Так Кенни получил отпуск по ранению. Слухи о нашей добыче разнеслись по части, и в то же утро нам пришлось отдать добытые деньги нашему интенданту (*Quartermaster*). Потом мы часто задавали вопрос: кому досталось это богатство?

Мы продолжили движение вперед. За городом Malines мы сменили части 50-й Нортумбрийской Дивизии (*Northumbrian Division*), которая столкнулась с упорным сопротивлением противника. Правда, меня прихватила дизентерия, и капитан Стритер, которого я по-прежнему возил, приказал мне отправиться в госпиталь. Через наше расположение прошла Гвардейская Танковая Дивизия (*Guards Armoured Division*). Им предстояло сменить 6-ю Воздушно-десантную Дивизию, которая позднее высадилась под Арнемом. Тем временем мы начали наступление в направлении города Гел (*Gheel*), расположенного в 3 милях к северу от канала *Escault*, вдоль которого закрепились немцы. Нам предстояло форсировать канал, чтобы расширить коридор, который расчищали танкисты-гвардейцы, и, одновременно с этим, предотвратить атаки противника на наши части, продвигавшиеся по коридору протяженностью около 90 миль. Теперь очевидно, что британцы заняли территорию, которую было трудно удержать. *Королевские Шотландцы* из нашей бригады захватили плацдарм на противоположном берегу канала после упорных боев, мы же получили приказ укрепить этот шаткий плацдарм. В тот день Бог сохранил мне жизнь. Капитан Стритер приказал мне отдыхать, показаться врачу и попытаться прийти в себя. На мое место водителя временно посадили другого парня. Около 2 часов дня капитан направился в сторону плацдарма. Зная его манеру вести себя, я предупредил его перед выездом: «Будьте осторожны, не рискуйте!», поскольку за несколько месяцев хорошо изучил его... Через два часа в тыл приехал грузовик, в котором лежал потерявший обе ноги капитан Стритер... Он выжил, но сменивший меня парень и остальные, сидевшие в моем бронетранспортере, были убиты.

Тем временем наша бригада на плацдарме отбивала одну контратаку немцев за другой, при этом у военнопленных обнаруживали признаки каких-то уколов на руках: становилось понятно, почему

они сражаются столь отчаянно. Но плацдарм держался. Неожиданно донесся гул самолетов, это было воскресенье, 17 сентября 1944 г. Мы подняли головы и увидели самолеты. Тянувшие за собой планеры – это была 6-я Воздушно-десантная Дивизия на пути к Арнему. Так продолжалось около часа, многие самолеты были сбиты. Немцы, видевшие все это, поняли, что цепляться за канал больше нет смысла, и отступили. На следующий день наш батальон сменила другая часть. Мы потеряли 18 человек убитыми, 104 ранеными и 50 пропавшими без вести – из числа последних многие потом были отнесены к погибшим.

Мы начали свой марш вглубь Голландии. Через два дня мы вошли в Эйндховен, где нас встретили восторженные толпы. Там мы простояли ночь, а на следующее утро получили приказ захватить плацдарм за каналом *Whilelmina* (вероятно, *Wilhelmina* – ВК). Мы вновь столкнулись с ожесточенным сопротивлением, но 24 сентября прорвали оборону противника, блокирующего плацдарм, и устремились в сторону городка Бест (Best), расположенного где-то в 6 милях. Мы не знали, что наши десантники под Арнемом оказались в тяжелом положении. Немцы стойко оборонялись повсюду, включая подходы к Бесту.

Здесь Дивизия вела ожесточенные бои в течение нескольких дней, особенно за кирпичную фабрику, которая переходила из рук в руки несколько раз. Подразделения полка *Glasgow Highlanders* (вероятно, речь идет о 2-м Батальоне Горцев - ВК) понесли тяжелейшие потери, и их пришлось отвести в тыл. Нам повезло больше – мы держали оборону в лесистой местности на окраине города, правда, под постоянным огнем снайперов и артобстрелом. Командование вызвало *Тайфуны* – эти самолеты наводили ужас на противника. Через громкоговорители мы пытались уговорить немцев сдаваться в плен, но мало кто из них пошел на это – это были крепкие бойцы. 29 сентября нас сменила 51-я Дивизия Горцев (*51st Highland Division*), и мы были счастливы вырваться из этого сумасшедшего дома.

Памятник солдатам 15-й Шотландской Дивизии, освобождавшей город Бест (Голландия)
<http://www.nmbs2001.com/market-garden-2005/market-garden-2/>

Нас отвели в район города Хелмонд (Helmond) для отдыха, получения подкреплений и боеприпасов. Это был первый настоящий перерыв в боях со времени высадки. Помню, что мы жили в сеном сарае, где было довольно комфортно. Единственным неприятным моментом было стояние в очереди за едой. Рядом с нами постоянно ошивался фермер, который, как мы подозревали, симпатизировал немцам. Посреди двора фермы находила большая навозная куча, и,

когда бы мы ни стояли в очереди, этот мужик обязательно ковырялся вилами в куче дерьма. В нашу сторону плыл пар и мерзкие запахи, в его – потоки ругани, которой мы его поливали. А так отдых был превосходным, нам наносили визиты большие начальники, а наша оркестр волюнок развлекал местных жителей...

23-го октября мы вновь выдвинулись к бесту, который уже был в наших руках и был сильно разрушен. Мы прошли через него в сторону города Тилбург (Tilburg), который был нашей следующей целью. 26-го мы пошли в атаку и без проблем взяли его, так как основная масса подразделений противника уже покинула его. Мы быстро преодолели сопротивление оставшихся частей и вышли на юго-восточную окраину города. Местные вышли из своих домов, чтобы приветствовать нас, и через толпы было почти невозможно пробиться.

Я вез в своем бронетранспортере полковника МакКензи. Мы с трудом пробились к ратуше, где полковник передал ключи от города его гражданам. Затем мы разошлись по домам местных жителей. Тем временем женщин, которые «дружили» с немцами в период оккупации, выволокли на улицу и привели на городскую площадь, где им начали стричь волосы к восторгу собравшейся толпы. В итоге, нам пришлось вмешаться и остановить все это, так как ситуация начала выходить из-под контроля. На следующий день продолжалось чествование, нас всюду окружали толпы, у нас брали автографы, девушки осыпали нас поцелуями. Нас называли «красными львами» из-за эмблемы на наших рукавах.

Нарукавная нашивка с красным львом - эмблемой 15-й Шотландской Дивизии
(<http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/30072607>)

Однако торжества вскоре завершились. В 1.30 ночи нам приказали подниматься и двигаться в направлении деревни Дёрне (Deurne). В этот воскресный день мы снова пошли в бой. Сложилась кризисная ситуация, 7-я Танковая Дивизия американцев удерживала участок фронта длиной 28 миль вдоль линии каналов. По-видимому, они, мягко говоря, слишком расслабились, и немецкие танкисты сумели в двух местах переправиться через каналы и крепко навалить американцам. В 10 утра мы заняли оборонительные позиции к югу от Дёрне (Duerne – пригород Антверпена): местность здесь была занята дамбами, канавами и каналами – не самая приятная обстановка [для наступательного боя]. Затем мы сместились южнее, к городку Астон (Aston), расположенному на важном перекрестке дорог, потом ближе к городку Лизл (Liesle), где окопались в ожидании атаки противника. Остальные части Дивизии были по соседству, и мы чувствовали себя уверенно. Наутро

мы сами пошли в атаку на городок, где немцы укрепились в разрушенных домах, и наше продвижение было медленным. Бои 30-31 октября стоили нам 3 убитых, 27 раненых и 1 пропавшего без вести. Немцы отступили, и мы вошли в обширную лесистую местность на пути к городу Миэйл (? – Miejeil). Мы продолжили наступление вместе со 2-м Батальоном Горцев (*Glasgow Highlanders*) на нашем правом фланге, нас поддерживали танки. Наступление шло под сильным артогнем противника. В деревне Брок (Broek) мы приостановились, чтобы подготовиться к атаке на две другие небольшие деревни. Погода была отвратительная, артобстрелы не стихали. Мы несколько раз атаковали противника вдоль дороги на Миэйл. При этом наши саперные танки с минными тралами подорвались на минном поле, 4 из *Черчиллей* были подбиты, и мы продолжили атаки без броневой поддержки. Огонь со стороны Миэйла не ослабевал, два наших бронетранспортера, эвакуировавшие раненых, были разнесены вдребезги. Примерно в это время сержант Риз (Rees) тронулся умом. Он оторвался от своей роты, уполз вперед, а затем неожиданно вернулся, приведя с собой большое количество пленных. За этот акт безумной храбрости он получил *Медаль за Отличие (Distinguished Conduct Medal)*. Когда его спросили, зачем он это сделал, он сказал: «Я хотел часы и *Luger*.» Через три месяца он погиб в ожесточенном бою за замок Холбек (Holbeck) в Германии, когда мы пробивались к Рейну...

В конце концов мы получили приказ отойти и отступили к городку Лизл, в то время как остальные части Дивизии продолжали сражаться. Так окончилось *Черное Воскресенье* 5 ноября. Больше мы ни разу не отступили. Нас отвели в резерв в районе Aston для отдыха и получения подкреплений. Поскольку я был теперь ветераном, вместе с несколькими другими ребятами я получил 48-часовую увольнительную в Брюссель. Когда мы вернулись, батальон все еще не было полностью укомплектован, поэтому некоторые роты слили вместе. По сути дела, мы стояли на линии фронта, поскольку между нами и немцами, по-прежнему занимавшими Миэйл, не было других частей. 10 ноября мы сблизилась с противником, выслали вперед [рекогносцировочные] патрули, и на наших бронетранспортерах стали прощупывать позиции немцев. Всюду были минные поля, которые, тем не менее, были расчищены. Нашей следующей задачей была переправа через лежавший перед нами канал: противник отошел на противоположный берег, поскольку слева и справа от нас части дивизии успешно оттеснили его. Мы переправились через канал, заняли развалины каких-то деревушек, после чего нас сменили *Cameronians (вероятно, речь идет о 9-м Батальоне Шотландских Стрелков/Scottish Rifles – ВК)*. Мы после этого еще две недели патрулировали занятую нами местность.

Тогда как большинство местных жителей были эвакуированы, некоторые остались. Как-то ночью я был в патруле с очень забавным йоркширцем по фамилии Вильямс (Williams), и, продвигаясь по тихой сельской дороге, мы увидели впереди себя огонь факела, и, в итоге, набрали на старика, копавшего картофель в огороде рядом с домом. Он сказал нам *Binner Commer (вероятно, Binner Komen/Войдите в дом – ВК)*, давая понять, чтобы мы следовали за ним. Мы спустились в подвал дома, заполненный женщинами и детьми, которые, увидев нас, казалось, посходили с ума от радости. Мужское население этой деревни за день до этого немцы согнали вместе, чтобы отправить в Германию. Некоторых, пытавшихся сбежать, просто убили. Эти несчастные люди целый час не могли остановиться и всё трогали нас, а когда мы собрались уходить, они хором запели британский гимн! Мы были несколько смущены, а мой патриотически настроенный товарищ снял свою каску и сказал им: «Трижды ура в честь Королевы Вильгельмины!» Я присоединился к нему, мы, к восторгу собравшихся, довели церемонию до конца...

Через две недели мы покинули эти места. Нам предстояла атака на Блерик (Blerick) – хорошо укрепленный городок на берегу реки Маас. На другой стороне находился городок Венло (Venlo), к которому вели два моста. Происшедшее здесь сражение рассматривается как «классическое» со многих точек зрения, поскольку здесь использовались все виды вооружений и самые разные подразделения принимали в нем участие. Немцы превратили Блерик в крепость, но город был

захвачен сравнительно быстро. Саперные танки проделали проходы в минных полях, через противотанковые рвы были переброшены временные мосты, через проволочные заграждения были сделаны проходы. Артиллерийская подготовка продолжалась почти 3 часа. Атака была проведена строго по плану, все части четко взаимодействовали друг с другом. Нам предстояло атаковать северную часть города. Мы выступили в 9.30 утра, увязли в грязи, но ворвались в город в 1.30. После короткого уличного боя операция была завершена...

Погода стояла отвратительная, лежал снег, было очень холодно. Ночи мы проводили в траншеях, расположенных буквально в нескольких ярдах от реки. Ночь за ночью мы торчали в траншеях с моим приятелем Элфом Бёрнеттом (Alf Burnett) – по два часа с четырехчасовым перерывом. Два часа казались бесконечностью – дрожишь от холода, говоришь шепотом и тебе все время мерещатся вражеские патрули. Так продолжалось до Рождества, а ночью все окрестности освещали ракеты, выпускаемые в небо обеими сторонами. Это было словно фейерверк в мирное время, мы слышали, как немцы отмечают Рождество, и, кроме того, их выкрики: «Давайте сюда – будем драться, вы, шотландские ублюдки.» В новогоднюю ночь мы устроили что-то вроде шоу для немцев. Рота, располагавшаяся в центре города, подняла шум: парни кричали, играли волынки – все это могло дать представление противнику о том, что мы упились в стельку. Так мы хотели было вдохновить немцев на атаку и устроить им засаду. Однако немцы не клюнули на эту удочку!

В этот период времени на американцев обрушилась неожиданная атака немцев Арденнах. У нас самих было не слишком много сил в нашем секторе, и был страх, что нам тоже достанется. Немцы посылали на нашу сторону разведочные патрули и через громкоговорители убеждали нас в том, что скоро и по нам нанесут удар. Мы сильно нервничали. Погода была зверски холодная, все засыпал снег. Позднее нам говорили, что это была самая холодная зима за 40 лет. Определенно, эта погода не годилась для сидения в окопах. Но тут нас наконец-то сменила другая часть, а мы получили приказ подготовиться к переброске на участок к югу от Брюсселя, где накапливались резервы на тот случай, если ситуация в районе Выступа ухудшится. По счастью, все обошлось без нас, и мы провели пять чудесных дней, отдыхая в прекрасной деревушке под названием Аппельтерре (? – Appelterre). Местные жители встретили нас с распростертыми объятиями, поскольку мы были первыми британцами, которых они увидели: этот участок наши войска просто обошли несколько месяцев назад.

Увы, вскоре мы снова тронулись в путь, на этот раз снова в район Тилбурга, в Голландию. Дороги были едва проходимыми, и путешествие заняло около 16 часов. И тут я услышал хорошую новость – мне дали 7-дневный отпуск домой. Эта привилегия полагалась ветеранам Дивизии и участникам боев в Нормандии. В Лондоне меня встретили мать и отец, и мы отметили мое прибытие в ближайшем к станции Виктория пабе. Мой приятель Элф был со мной, и несколько дней прошли в непрерывных возлияниях. Однако вскоре мы уже были на пути в Тилбург. По прибытии и мы узнали, что наш батальон был переброшен вплотную к немецкой границе. Он отправился из Тилбурга в Неймеген (Nijmegen) 4 февраля. В районе Неймегена я и моим приятель воссоединились с нашим взводом. Шла подготовка к вторжению в Германию. Все передвижения происходили ночью, скрытно от воздушной разведки противника. Машины. Танки и машины перемещались с отключенными фарами, от чего после каждой поездки волосы стояли дыбом на голове. Все это плюс отвратительное состояние дорог действовало на нервы, мягко говоря. Мы добрались до находившегося под постоянным артиллерийским обстрелом подвесного моста Graves через Маас.

В ночь с 7 на 8 февраля волны тяжелых бомбардировщиков *RAF* прошли над нашими головами, чтобы сбросить свой груз на Cleve (вероятно, *Kleve* – *Клеве* – *ВК*) и Гох (Goch) – немецкие города, расположенные на нашем пути и являвшиеся целями нашего наступления. В 5 утра началась грандиозная артподготовка – около 1000 снарядов обрушились на сектор фронта протяженностью в 4 мили. Через 4 часа Дивизия пошла в наступление на Линию Зигфрида. Наш батальон получил приказ очистить от противника густой лесной массив. Здесь, на холме под названием *Cleverberg*,

мы наткнулись на высокую деревянную наблюдательную башню, с которой противник прекрасно видел все происходящее на мили вокруг. Два отделения наших бронетранспортеров, на которые были установлены огнеметы *Wasp*, атаковали эту башню. Мы услышали вопли, и уже вскоре немцы, которые находились в ней и на ней, сдались в плен. Во время этой атаки мы потеряли командира этой боевой группы майора Хантера (Hunter), популярного офицера, которого любили солдаты. Он был тяжело ранен и вскоре умер.

Успех в этом бою позволил основной части батальона продолжить продвижение в сторону Клеве. Мы наступали на очень узком участке фронта, и случалось, возникала мешанина, при этом наша артиллерия иногда обстреливала наши же части с неизбежными потерями. Город Клеве был захвачен частями 43-й Дивизии, наступавшей с юго-запада. Когда мы вошли в город, он был полностью разрушен – все выглядело, как в Кане. Немцы открыли плотины, и всю местность на многие мили вокруг затопило. Мы стали армией, перемещавшейся на лодках, проводя таким образом несколько дней. 18 февраля мы покинули Cleve и начали продвижение в сторону города Goch, расположенного в 8 милях далее в сторону Рейна. Двум другим батальонам нашей Бригады из состава *Королевских Шотландцев* и полка *Kings Own Scottish Borderers* предстояло атаковать сам город, мы должны были позднее пройти через их позиции вместе с парнями из *RSF (полк Royal Scottish Fusiliers)*.

Нашим противником были парашютисты, против которых мы уже сражались в прошлом и которые всегда бились, как тигры. Наша атака прошла в стиле, уже испытанном при взятии Блерика, когда действия артиллерии, танков и пехоты строго скоординированы. Мы подошли к городу вместе с частями 51-й Шотландской Дивизии, то есть, в сражении с британской стороны участвовали исключительно шотландские части. Бои были весьма ожесточенными, мы постоянно были под артиллерийским обстрелом и за два дня потеряли 35 человек убитыми и ранеными. Через два дня непрерывных боев на сменила другая часть. Мы продвинулись на восток в густой лесной массив, который приобрел известность благодаря исключительно упорному сопротивлению и убийственному артогню со стороны стойко оборонявшихся парашютистов. В этом лесном массиве находился старый разваливающийся замок, носивший название Холбек [Schloss Holbeck]. Те, кто участвовал в боях за этот лесной массив, никогда их не забудут. Рядом с замком находился небольшой мост через узкую речку – в районе этого моста разгорелись самые ожесточенные бои. 2-й Батальон Полка *Гордонских Горцев (2nd Gordons - вероятно, полк Gordon Highlanders - ВК)* окопались, и нам вместе с *Фузилерами* предстояло захватить этот мост и, далее, закрепиться на плацдарме на другом берегу речки. Хотя сопротивление противника несколько ослабло под минометным и артиллерийским огнем и нам удалось захватить мост, немцы продолжали отчаянно сражаться. На следующий день еще одна наша атака, нацеленная на расширение плацдарма, была отбита, и немцы, похоже, получили подкрепления. Хотя нас поддерживали танки, мы не могли больше наступать и окопались, чтобы укрыться от сильных артобстрелов.

Огонь вражеских пушек и минометов был самым интенсивным за все время боев, мы понесли большие потери, оставаясь в наших ячейках всю ночь. Примерно в 14.00 через наши позиции должны были пройти подразделения 227-й Бригады нашей Дивизии. Когда эти парни бежали по дороге в сторону моста, начался самый жесточайший артобстрел. Я сидел в окопчике вместе с двумя другими парнями, и больше места в нашей ячейке просто не было. Неожиданно двое парней из числа пробежавших мимо нас по дороге попытались запрыгнуть в наш окопчик, но для них просто не было места! Мы показали им пустую ячейку, расположенную напротив нашей – они рванулись вперед, запрыгнули в нее, и тут же прямым попаданием снаряда оба были убиты... Ночь мы провели к северу от замка. Операция, которую должна была осуществить всего одна рота, превратилась в кровавое испытание для целой Бригады...

На следующий день мы продвинулись вперед, чтобы сменить находившиеся на передовой линии роты. Снова артобстрел, снова потери. 25 февраля нас окончательно отвели от места боев, которые

по жесточенности превзошли все, что мы испытали в Нормандии. За 18 дней боев мы потеряли 9 человек убитыми, 75 ранеными и 23 – пропавшими без вести. Многие раненые позднее умерли, многие пропавшие без вести попали в разряд погибших.

Последние недели войны

Нас отвели в Тилбург на отдых, но там негде было остановиться: приготовленные для нас помещения были разрушены ракетами V1, поэтому нас переместили в Turnout (?). Здесь мы впервые за многие месяцы помылись, получили чистую одежду и хорошее питание. Нам разрешили 48-часовые увольнительные в Брюссель. Наш оркестр волюнок играл для местных жителей к их всеобщему восторгу. 6 марта мы покинули Turnout и расположились к югу от него в деревне Херк-Ла-Виль (? - Herck-La-Ville). Здесь мы приступили к боевой подготовке, нацеленной на преодоление Рейна. Мы практиковались в погрузке на плавающий танк *Buffalo* и десантировании с него – все это мы делали в долине реки Маас. Нам зачитали послание премьер-министра Уинстона Черчилля, были концерты.

22 марта мы тронулись в путь через места, где еще недавно вели бои: Бест, Блерик, Венло. Передвигались мы ночью, чтобы добраться до места сбора частей в районе города Ксантен (Xanten) на рассвете. Весь западный берег Рейна был прикрыт дымовыми завесами – их здесь держали постоянно, чтобы скрыть от противника наши передвижения. Остаток дня мы отдыхали. Здесь у меня возникло желание побыть одному, что было для меня ненормально. Я не понимал, что происходит, наверное, я что-то предчувствовал. Позднее я узнал, что моя мать в то время была у родственников в Лондоне, и в какой-то момент разрыдалась. Когда ее спросили, в чем дело, она ответила: «Не знаю, но что-то вот-вот случится с Чарли.» Она была права: через несколько часов это «что-то» случилось.

Вечером мы получили последние инструкции, нас посетил корреспондент BBC Уинфорд Вон Томас (Wynford Vaughan Thomas), который собирался быть с батальоном во время предстоящего исторического события, чтобы вести репортаж о нем. Нашей Дивизии предстояло быть в центре сектора, в котором наступала 2-я Британская Армия. Русло реки Рейн здесь было около 400 ярдов в ширину, по обоим берегам вдоль него проходили насыпи, известные под названием *Bunds*. Мы погрузились в наш *Buffalo* в 23.00. Нашей целью был городок Бизлих (Bislich). Атака была назначена на 2.00, после чего мы должны были соединиться с воздушно-десантными частями, которые намечали высадку в 10.00 утра в 5 милях к востоку.

В 24.00 *RAF* отбомбились по городку. Вся 2-я Армия должна была переправиться через Рейн на разных участках в разное время. Началась грандиозная артиллерийская подготовка, стоял оглушительный грохот, противоположный берег был в огне. Наш взвод бронетранспортеров входил в первую волну высадки в пешем строю. Пришло время атаковать сердце Германии после почти 6 лет войны, которую она развязала. Переправа прошла быстро и успешно, наш танк уперся в насыпь, и мы выпрыгнули из него, чтобы вскарабкаться на стенку. С вершины насыпи мы осмотрели местность – она вся была усеяна короткими палками, торчавшими из земли. Это были стержни противопехотных мин, носивших название *Schumines*.

Мы побежали через минное поле, прыгая с одной ноги на другую, и тут это случилось – моя левая нога зацепила стержень. Помню, как я взлетел и упал, помню страшную боль. Оглядев свою ногу, я обрадовался – она была на месте, но вся голень и ступня были в крови. Вокруг меня несколько человек лежало на земле, многие, как я узнал позднее, были убиты. Через несколько минут на насыпи появились парни из второй волны. Я закричал «мины!», и двое ребят подобрали меня и перенесли на только что приставшее к берегу судно. Следующее, что я помню – это то, что я лежу на операционном столе, вокруг меня люди в белых халатах... Затем я очнулся, вокруг меня были

какие-то монашки. Было это в уже Генте, в Бельгии. Я все еще был под воздействием обезболивающих средств. Через два дня я уже был в Брэдфорде (Bradford, графство Yorkshire).

Из моей ноги удалили почти все осколки, хотя и сегодня в ней остаются мелкие кусочки металла, которые, правда, меня не беспокоят. Из ежедневных новостей мы узнавали, что война близится к концу. Я оставался в постели до того самого счастливого дня – 8 мая 1945 г. Все вокруг ликовали, по радио передали, что человек, который привел нас к победе, – премьер-министр Уинстон Черчилль – выступит с обращением к нации в 3 часа дня. По счастью, в моем отделении был парень из одной из соседних деревень. Старшая медсестра разрешила ему выкатить мое кресло, и он дотолкла меня до своего дома, чтобы мы могли послушать это историческое обращение. Мы выслушали премьер-министра, и после ужина парень отвез меня обратно в госпиталь.

Эта вылазка вдохновила меня на поход в паб. Я спросил старшую медсестру, сможет ли она в свой выходной прокатить меня в паб. Она согласилась, и одним вечером она отвезла меня туда. Когда я подъехал к пабу, мы увидели, что он забит людьми. Нас тут же окружили люди и стали предлагать нам выпивку. Когда я поглощал свою первую пинту за последние 5 месяцев, ко мне подошел человек и спросил, откуда я. Я ответил: «Лондон.» - «Да нет, из какого ты госпиталя?» Я назвал госпиталь, и через минуту я увидел вспышку фотокамеры: человек, спрашивавший меня, оказался газетным репортером. Вскоре после этого медсестра покатила меня назад в госпиталь.

На следующий день случился скандал. Фотография, на которой был я вместе с медсестрой появилась на первой странице йоркширской газеты с подписью: «Медсестры и раненые отмечают День Победы (VE Day).» Фотография принесла много неприятностей медсестре, поскольку в то время существовало правило, согласно которому персоналу госпиталей не разрешалось внеслужбное общение с пациентами. Медсестру в тот же день куда-то перевели, и я больше ее никогда не видел. Еще через день я был переведен в госпиталь, расположенный в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

В декабре 1945 г. я был уволен из армии. И так, средняя продолжительность пребывания пехотинца в строю во время боевых действий равнялась примерно 6 неделям. Я продержался 9 месяцев. Мой батальон был расформирован вскоре после окончания войны, уровень его потерь за время европейской кампании достиг 125%, и это не было рекордом для 15-й Шотландской Дивизии...

55 лет спустя я могу сказать, что хорошо послужил своей стране, прожил интересную и захватывающую жизнь, потрудившись и дома, и за границей. Слава Богу, удача была со мной.

<http://www.warlinks.com/memories/hanaway.php>

Перевод, обработка, комментарии – Владимир Крупник